

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Отставка Витте в 1903 г. стала преодолением «мальчишеского» страха Николая II перед Витте. Она явилась заключительным актом борьбы 1902–1903 г. двух государственных — администратора Плеве с экономистом Витте в петербургском бюрократическом чиновничестве. Однако замена лучшего министра на слабого Плесске вызвала в обществе некоторое замешательство. Отставка и освобождение от контроля Витте действий «безобразовцев» ускорили войну с Японией, в январе 1904 г. началась «маленькая победоносная война». Участники «безобразовского» кружка, увлеченные тем, что война закончится обязательно победой России, еще в начале войны на перспективу подготовили проект мирного договора с Японией, с которым Николай II был ознакомлен. В разгар войны, 15 июля 1904 г., произошло убийство министра внутренних дел фон Плеве, вдохновителя «безобразовского» кружка. Между тем надеждам Витте на возвращение в большую политику не удалось сбыться, он как последний воин Александра III продолжил служить на почетном поприще Комитета министров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая отставка Витте, авантюризм дальневосточной политики, «димиутивная прогрессия», «Особый комитет по делам Дальнего Востока», «паршивый триумвират», убийство В.К. Плеве, «Мефистофель», политика председателя Комитета министров, общественное мнение

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Witte's resignation in 1903 become overcoming "boyish" fear of Nicholas II of Witte. It was the final act of fight for 1902–1903 of two political leaders - the administrator Plehve with the economist Witte in the St. Petersburg bureaucratic officials. However, replacement of the best minister on weak Pleske has caused some confusion in society. Resignation and release from Witte's control of actions of "bezobrazovs" has accelerated war with Japan, in January, 1904, "small victorious war" has begun. The participants of a "bezobrazovs" circle who are carried away by the fact that war will end surely with a victory of Russia even at the beginning of war on prospect have prepared the draft of the peace treaty with Japan of which Nicholas II has been informed. In the middle of war, on July 15, 1904 there was a murder of the Minister of Internal Affairs Plehve, the inspirer of a "bezobrazov" circle. Meanwhile, Witte's hopes for return to big-time politics didn't manage to come true, he as the last soldier of Alexander III has continued to serve in an honourable field of Committee of ministers.

* *Продолжение.* Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017. № 2. С. 103–120.

KEYWORDS

political resignation of Witte, adventurism of the Far East policy, “diminutive progression”, “Select committee for the Far East”, “nasty triumvirate”, V. K. Plehve’s murder, Mephistopheles, of the policy of the Chairman of Committee of ministers, public opinion

В пятницу 16 августа 1903 г. С. Ю. Витте в любимый свой день, когда имел возможность представлять Всеподданнейший доклад императору, получил отставку. Это была политическая отставка. По линии финансового ведомства к Витте не было нареканий [4, с. 386]. Сцена отставки была трагикомична, она показала неприкрытую маску государя. Витте получил указание прибыть на аудиенцию к царю вместе с Э. Д. Плеске (управляющий Министерством финансов). Витте, одухотворенный вызовом на аудиенцию, предположил, что Плеске вызван в связи с его командировкой в Сибирь. Плеске оставался за дверью, когда Витте был приглашен в залу, где находился государь. После доклада государь обласкал Витте, а на прощание смущенно сказал то, о чем мечтал сказать давно, — что лишает его поста министра финансов. Выйдя из кабинета, теперь уже смущенный Витте просит Плеске войти к государю, которому и был предложен пост министра финансов. Так буднично и просто. Весь многолетний пафос деятельности С. Ю. Витте на посту министра финансов утонул в выдохе Николая II — «уф!» [там же, с. 284]. Отставка произошла по сценарию, к которому не раз прибегал Николай II. В подобных случаях — сначала об отставке просит сам министр, царь не соглашается, а через некоторое время, когда удобно царю в конце доклада, он ласково может объявить: «Вот вы мне несколько раз выражали желание уйти с поста министра двора, так я вас сегодня освобождаю». Этот сценарий знал и Витте, так как после отставки к нему с жалобой на царя приезжал министр Двора И. И. Воронцов-Дашков и рассказывал ему, как происходила его отставка [там же, с. 115]. Отставка Витте стала началом провала мирной политики Николая II на Дальнем Востоке.

Наконец Николай II преодолел свой «мальчишеский» страх перед Витте и с облегчением объявил ему отставку. Но государственные интересы Николая II и Витте не разошлись окончательно. Между ними разъединительной чертой стояла лишь дальневосточная политика, в частности — ее авантюризм, которому поддался Николай II. Теперь Витте стал наблюдателем ввиду того, что у него не было рычагов власти, чтобы предотвратить военные и политические игры нового окружения царя. Вся борьба Витте в 1902–1903 гг. помимо Плеве, а также против авантюриста Безобразова, использовавшего родственные связи в. к. Александра Михайловича с государем, не имела успеха. Безобразов обладал напористостью кавалергардского офицера и смог убедить Николая II поддержать его экспедицию в целях исследования природных ресурсов на реке Ялу. Умеренную политику Витте поддерживали лишь два министра: иностранных дел В. Н. Ламздорф и военный — А. Н. Куропаткин, а также председатель Святейшего Синода — К. П. Победоносцев. Но Николай II сделал выбор в сторону активной, хотя и авантурной политики на Дальнем Востоке.

Что касается Витте, то его весьма корректно пересадили в кресло Председателя Комитета министров (высшая имперская бюрократическая должность, но не влияющая на политику). Несмотря на то что это позволило ему заниматься государственными делами вплоть до второй своей отставки (1903–1906), свою первую отставку воспринимал как личную обиду. Как пишет С. С. Ольденбург, с этой минуты без преувеличения можно сказать, что Витте «сделался личным врагом государя», хотя и старался скрывать эти чувства¹. Как ни парадоксально, но с этого

¹ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 219.

момента «усиление Витте происходило лишь в единственном направлении — к положению премьер» [4, с. 386].

Казалось, в какой бы ситуации ни возникало имя Витте, оно всегда привлекало к себе нездоровое отношение. Как и предполагалось, его отставка вызвала особый ажиотаж в обществе: в Петербурге и по Москве поползли слухи. Все задавались вопросом: для Витте отставка — это «понижение или повышение»? Ходил даже каламбур — «Витте упал кверху» [2, с. 122–132]. Дело в том, что отставка Витте была не только объектом внимания самых различных слухов и сплетен, но и сам Витте являлся плодотворным их автором [3], что на самом деле дезориентировало общественное мнение. Какая же последовала реакция со стороны известных выразителей общественной мысли? Так, кто-то по телефону сообщил А. В. Богданович, что Витте назначен председателем Комитета министров, а Плеске — министром финансов. Любопытно, но она не говорит об отставке, а лишь обозначает новое назначение Витте. Что касается Э. Д. Плеске, то Богданович его характеризует как человека с маленьким умишком, который не сможет противостоять Витте. Через четыре дня после отставки Витте Б. В. Никольский записывает, что «за эти дни свершилось первоклассной важности событие»: оказывается, в. к. «Александр Михайлович и Плеве съели Витте без остатка (ибо Плеске не остаток)». Он сомневается, что из этого может что-то получиться хорошее. По его мнению, Витте не такой человек, которого бы можно было заменить, ибо Кокцов и Плеске «ничего кроме своих петербургских кабинетов и канцелярий не знают и не видели» (запись 20 августа 1903 г.) [10, с. 627].

Согласно частному письму управляющего придворной капеллой С. В. Смоленского к графу С. Д. Шереметеву (личный друг императора Александра III, общественный деятель, историк), ситуация вызывала не только тревогу, но и громадный интерес. Казалось, что ситуация вышла из-под контроля и он пишет: «Тревоги и суматошной беготни, шепота и таинственных интриг — много, а ясности дела опять не чувствуется», а далее он передает ему московский каламбур, что наступила пора, когда наверх идут «все Пл»: Плеве, Плеске, Платонов, чуть не Плевако, которые подбираются «в какой-то ничего не обещающей, бессодержательной, но явно диминутивной прогрессии»¹. Маркировка уменьшительного слова «Пл» означала «все Пл(охо)», как выражение иронии. Констатация «все плохо» позволяла отразить отставку Витте как потерю имиджа правительства и приобретение в «диминутивной прогрессии» бессодержательного ансамбля четырех «Пл» в сторону снижения авторитета чиновничества в именах этих лиц, а заодно и вынесение приговора правительственной перемене 1903 г. Лишившись царского благоволения, Витте стремился привлечь на свою сторону общественные симпатии. Граф С. Д. Шереметев, используя свое влияние в придворных кругах и находясь с Витте в дружественных отношениях, пытался в 1904 г. содействовать его возвращению на пост министра финансов. Но его действия были безуспешны.

В октябре 1903 г. в размышлениях А. С. Суворина слышится голос тревоги и безысходности положения. Его смущает положение на военном поприще, так как существует непонимание военного командования задач в отношении своих действий, он шлет телеграммы с Дальнего Востока, задавая вопрос, что делать, если японцы допустят высадку на р. Ялу? Видно, что Суворин понимает ситуацию, в которую попала Россия, когда все разваливается на глазах. При этом государь за границей, а Витте, как он считал в сердцах, истощил Россию своей дерзостью финансовых реформ и налогами (запись 2 октября, Феодосия, 1903 г.) [12, с. 360–361]. Да, действительно, государь с царицей в это время путешествовали по Ев-

¹ Смоленский С. В. Письмо к С. Д. Шереметеву (после 24 сент. 1903 г.). Российский Государственный архив древних актов. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1581. Л. 91 об.

ропе. По запросу командования военного дальневосточного округа ответило Министерство иностранных дел, которое прежде запросило мнение царя, как он смотрит на это дело, а тот в телеграмме дал понять, что настроен миролюбиво. В то же время Япония в полную силу готовилась к войне с Россией. До начала русско-японской войны остается четыре месяца.

После отставки Витте Николай II полагал, что наконец получил свободу от него, а окружение, жаждавшее карьерных выгод, фактически ими было награждено, более того, оно достигло своими авантюрными действиями желаемого результата — русско-японская война все-таки состоялась. Однако никто из них в дальнейшем не смог достичь таких высот, как Витте.

Так, Безобразов, как главный фигурант по дискредитации С. Ю. Витте, получил должность статс-секретаря его величества 6 мая 1903 г., но после 1905 г. его не привлекали к государственным делам. У основного оппонента политики Витте — фон Плеве не сложилась министерская служба, жесткая борьба с общественностью привела в 1904 г. к трагической гибели от руки члена боевой организации эсеров Е. С. Сазонова. Плеве канул в Лету.

После отставки Витте был создан «Особый комитет по делам Дальнего Востока» (16–30 августа 1903 г.), председателем которого был избран Николай II, вице-председателем В. К. Плеве, однако управление делами было возложено на контр-адмирала А. М. Абазу (двоюродный брат А. М. Безобразова) и лесопромышленника Н. Г. Матюнина. Но постепенно складывался особый триумvirат по дальневосточной политике, в него вошли Николай II, А. М. Абаза, наместник Дальнего Востока адмирал Е. И. Алексеев.

27 января (9 февраля) 1904 г. в России обнародовали манифест о войне. То есть через полгода после отставки Витте началась русско-японская война. В этот же день состоялся торжественный молебен в Зимнем дворце. Витте находился недалеко от его величества, когда Николай II проходил мимо известного генерала Е. В. Богдановича, Богданович крикнул «Ура!» и его поддержали несколько голосов. Война с Японией не имела поддержки и не несла в себе патриотизма. Несмотря ни на что, Николай верил в ее победоносное завершение. В этот день у Витте и государя состоялась еще одна встреча, весьма мистического характера. Когда государь с императрицей в этот день проезжали по Каменноостровскому проспекту, он обернулся к окнам особняка Витте и увидел стоящего у окна его хозяина. Венценосные супруги направлялись с визитом в Каменноостровский дворец к принцессе Елене Георгиевне Саксен-Альтенбургской (1857–1936). Государь имел победоносную осанку. Но его вид удручающе подействовал на Витте, было очевидно, что государь не придал никакого значения происшедшему в смысле того, что Россия ввергнута в бедственное положение [5, с. 290–291]. Раздумья Витте о царе были неутешительными. С одной стороны, произрастала жалость к бедствиям России, а с другой — у Витте возникала жалость к царю. Надо сказать, что Витте не выходил за рамки того мнения, о чем говорили в бюрократических кругах о царе: да, царь хороший и неглупый, но безвольный человек. Как утверждает Витте, именно на этой черте характера развились его государственные пороки как правителя, «да еще такого самодержавного и неограниченного». Витте, осознавая причину возникновения его самодержавия, утверждал, что она была доведена до двух значений: «Бог и Я» [там же, с. 291]. Царь не предполагал, что помимо самодержавия могут существовать другие политические системы. Он мыслил в рамках знаний о государстве, полученных от К. П. Победоносцева.

В правительстве только один министр желал войны. Этим министром был Плеве. Кроме того, только один министр примкнул «к банде политических аферистов». За два дня до начала войны военный министр А. Н. Куропаткин вопреки своему желанию, по воле царя, был назначен Главнокомандующим маньчжурской армии.

Назначение соответствовало настроению общества, а на самом деле его вытолкали А. М. Безобразов и компания [там же, с. 157]. Куропаткин был противником войны, и Плеве при прощании с ним указал ему на то, что он не знает внутреннего положения России. А для того чтобы удержать революцию, России нужна «маленькая победоносная война» [там же]. 24 февраля в Порт-Артур по назначению прибыл командующий флотом адмирал С. О. Макаров, общее командование военными действиями было возложено на наместника Дальнего Востока адмирала Е. С. Алексеева. На земле дальневосточной возникло двоевластие между наместничеством и главнокомандующим армии. В случае разногласий между высшими инстанциями предусматривался решающий арбитраж в лице государя¹.

Война с Японией породила в обществе новое мышление. Евразийский взгляд на политику и происходящие события на Дальнем Востоке можно найти у приват-доцента Б. В. Никольского. Размышляя о месте России в мировом пространстве и недоумевая по поводу действий правительства, он пишет, что Россия не являлась чужой ни во всеевропейском, ни во всеазиатском союзе. По его убеждению, ни турки, ни японцы, ни китайцы, ни индусы русским не чужие. Следовательно, в основу политики не следует брать только христианство — односторонняя политика такое же кощунство, если в ее основу положить только социализм, или революцию, или монархию (запись 2 апреля 1904 г.) [9, с. 12]. Геополитическое расположение позволяло России соседствовать и жить в мире европейском и азиатском.

Через месяц после начала войны с Японией началась переписка между бывшими коллегами по министерству — С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткиным. Переписка длилась в течение 1904–1905 гг., вплоть до Портсмутского мирного договора с Японией. Показательно, что оба были противниками войны с Японией. Но как только война началась, то авторы писем показали свой непосредственный патриотизм и важность государственного мышления в столь непростых для России событиях, как война. Их послания друг другу нечто большее, чем письма коллег, это живое восприятие ежедневных раздумий и глубоких переживаний здесь и сейчас. Это жизнь и ощущения тех событий, которые развернулись перед ними и они стали непосредственными их участниками. Они оба знали, что являются частью истории России.

Бесспорно, письма С. Ю. Витте носят насыщенный политический характер, неслучайно «безобразовцы» в «паршивом триумvirате» — Витте, Ламздорф и Куропаткин — самым опасным считали Витте, поэтому он первый сошел с политической дистанции, в отставку. Ламздорф был удобен тем, что за его спиной могли решаться дипломатические вопросы, никто не вспоминал о существовании ведомства иностранных дел. Что касается Куропаткина, то имеется меткая оценка его способностей из стана «безобразовцев», данная А. А. Абазой (дядей А. М. Абазы), которую он дал в разговоре с Витте. Абаза-старший предрек падение карьеры Куропаткина, объясняя это тем, что все в нем разочаруются потому, что «умный генерал, храбрый генерал, но с душой штабного писаря» [5, с. 157]. Что же объединяло Витте и Куропаткина? Прежде всего приверженность к умеренной политике и определенные симпатии по отношению друг к другу.

Если проследить за настроением Витте, то в его письмах в самом понятии «патриотизм» имеется два оттенка: политический (или официальный) и гражданский. К официальному патриотизму Витте относил публичные встречи героев-побежденных при Чемульпо, которые пришли на смену героям-победителям. Витте апеллирует к былой военной славе, вспоминая, что Суворов таких встреч не знал. Соответственно, Витте стремится расширить представление о патриотизме, обращаясь к тому, что патриотизм представляет собой духовное состояние души. Конечно же,

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. Т. 1. С. 235.

патриотический дух — это жажда победы и победоношения. По его мнению, только негодяи могут желать поражения. Но коль люди находятся вместе, все говорят только о победе, и говорят искренне. Что касается гражданского патриотизма, то оставаясь наедине глаз на глаз, громаднейшее большинство высказывает, что нужно побить сначала японцев, а затем, те, кто начал войну, должны ответить, почему они все это затеяли? (из письма Витте от 19 апреля 1904 г.).

Другой темой этого же письма является проблема окружения царя. Он сообщает Куропаткину, что до сих пор не имел счастья беседовать с государем императором, поэтому не знает, что делается. Но, так или иначе, Витте не перестает следить за компанией «безобразовцев», сообщая ему следующее: «Сумасшедший Безобразов пропал, провалился. Хитрый и меднолобый Абаза понемногу теряет почву. Наместник (Алексеев) же хотя в общественном мнении заслужил только презрение, тем не менее, поддерживается, как флаг той системы или идей, которые привели к этой, по меньшей мере, неуместной войне». Далее он сожалеет, что флаг будет долго поддерживаться, ибо «государю спустить флаг если не невозможно, то трудно» (из письма Витте от 19 апреля 1904 г.). Как видно, Витте неуклонно поддерживает в себе мнение, что царь упорствует и не идет на уступки общественности. В августе 1904 г. Витте хладнокровно пишет по поводу гибели Плеве, что с «фон Плеве сделалось то, что должно было сделаться». Для него удивление составило то, что это преступление нигде не встретило соболезнования: «только послышался вздох облегчения и проклятие памяти». После смерти Плеве привлекло внимание наследство Плеве, обнаруженное его сотрудниками, разбравшими бумаги в кабинете Плеве — кабинет был наполнен подложными письмами. Витте был потрясен, что в течение двух лет, которые Плеве находился у власти, он подносил «самые подлые, самые лживые доносы и клеветы» царю. К этому безобразию он преподносит то, что непосредственно должно было заинтересовать Куропаткина: «оказалось, что господин фон-Плеве был душою банды квантунцев, приведших Россию к этой несчастной войне»¹. Витте более расширительно обозначает виновников русско-японской войны, чем Куропаткин. Помимо министра фон Плеве, в воспоминаниях он упоминает великого князя Александра Михайловича, Безобразова, Вогака, Абазу, а также склонивших к их захватнической политике, царя.

В письмах на Дальний Восток Витте пытается донести до своего корреспондента А. Н. Куропаткина существующее положение в Петербурге. Он не скрывает, что в некоторых сферах происходит большое хуление его действий, а вот общественное мнение на его стороне. За ним твердо установилась популярность и в нем видят надежду в победе над японцами. Витте осознает, что его письма могут быть подвержены цензуре, но без чувства страха пишет о его недругах и обо всем, что должен знать Куропаткин. Так, он пишет, в обществе критически оцениваются сообщения с театра военных действий о наместнике Алексееве: о нем или не говорят, или относятся с презрением. В приходящих письмах с Дальнего Востока наместника называют не иначе, как «Порт-Артурский...», «главнотелеграфирующий», «вредный подонок», «карьерист». Витте известно, что только в узких кругах, приближенных к государю, ругают Куропаткина и хвалят Алексеева. К ним Витте относит окружение Вел. князя Николая Николаевича и некоторых бывших сотрудников его министерства (военный министр Сахаров). Витте называет войну с японцами «несчастной войной» и не видит в результате войны, даже если она будет победоносна, никаких благ. По его мнению, «победоносная война даст еще худшие результаты,

¹ Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. / Красный архив. Т. 6 (19), М.– Л., 1926. С. 67–68.

нежели средний успех»¹ (из письма от 19 августа 1904 г.). 22 августа Витте уехал в Сочи на отдых.

Что касается писем А. Н. Куропаткина, то они, менее политически насыщенные, в них более сентенций личного характера, все более раскрывающие аскетическую жизнь генерала на войне. Но главное, письма Куропаткина к Витте показывают, что между ними не существует противоречий в понимании сложившейся ситуации, что он ценит доверие Витте к нему и то сочувствие, которое выражает Витте по поводу недостаточно ясных военных действий. Куропаткин, как и Витте, обращает внимание на «квантунцев» (Безобразов, Вогак, Абаза, царь), не соглашаясь с их политическими выводами о Порт-Артуре и позициях в Южной Манчжурии. Он исходит из позиции идти «вперед», а не гоняться за несколькими зайцами — то хотим все охранять, то все выручать, а получается, что всюду неизбежно слабы (из письма от 19 мая 1904 г.)².

К сожалению, к концу 1904 г. русская армия сдала Порт-Артур (декабрь 1904 г.), отступила под Мукденом (февраль 1905 г.), потеряла флот в Цусимском сражении (май 1905 г.). Как известно, Россия имела неравный старт с Японией, русская армия не была достаточно подготовлена к войне. Показательно, что когда японцы объявили войну, Россия даже не успела достроить Транссибирскую магистраль. Пришлось через Байкал по льду прокладывать рельсы для переброски войск и продовольствия, чтобы соединиться с веткой КВЖД [11, с. 42–43]. Более того, странным кажутся действия Российского МИД: разведка доносила об отчаянной подготовке Японии к войне, но Россия продолжала своими собственными рублями вооружать Японию, вливая их в китайские займы. Китай же, в свою очередь, их использовал для выплаты контрибуции Японии после поражения в китайско-японской войне [1, с. 75], тем самым усиливая японскую военную мощь. Причем, по иронии судьбы, Россия придерживалась договоренностей с Китаем и была «поручительницей» за исправную уплату Японии его военного долга³.

Очевидно, положение А. М. Безобразова пошатнулось, и он, не вписавшийся в административную работу «Особого комитета по делам Дальнего Востока», оказался не у дел. И в силу своей непригодности в делах комитета в начале 1904 г. на некоторое время выехал за границу, продолжая писать из Женевы письма А. М. Абазе. В письмах он комментировал ситуацию в Петербурге по местной печати и приезжающих к нему связанных (например, Н. Ф. Абаза, жена А. М. Абазы). Безобразов не устранился от политики Петербурга и через Абазу имел возможность влиять на царя. Другим активным участником безобразовской группировки являлся военный агент на Дальнем Востоке К. И. Вогак. Он зарекомендовал себя с 1895 г. ярким противником политики С. Ю. Витте на Дальнем Востоке. Царь позволил ему участвовать в дискуссиях 1895 г. против Витте по поводу направления КВЖД. Вогак поддержал А. М. Безобразова на порт-артурских совещаниях 18–28 июня 1903 г. по дальневосточной политике [8, с. 178–179]. Вместе с А. М. Абазой он приступил в начале войны к разработке программы будущего мира с японцами, которая была в мае 1904 г. представлена на комиссию под председательством графа А. П. Игнатьева (члена «безобразовской» клики).

Из письма А. М. Абазы от 1 июня 1904 г. к жене Н. Ф. Абаза известно, что они с К. И. Вогаком (1859–1917) подготовили «три первые главы» мирного договора и «всего того, что надо для этого сделать». Члены «безобразовской» клики были настолько уверены в полезности «маленькой победоносной войны»⁴, что решили

¹ Там же. С. 70–71.

² Там же. С. 68–69.

³ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 229.

⁴ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 233.

заранее до победного окончания войны с Японией (т. е. априори, а не по факту) подготовить договор о мире. Важность сообщения Абазы заключается в том, что он указывает на объемность их труда: «три первые главы» не только готовы, но «находятся у Хозяина», а «четвертая — обдумывается». Исключительность ситуации заключалась как раз в том, что «Хозяином» был государь император. Все члены «безобразовской» группы, конспирируя свои действия, в письмах друг к другу, перешли на вульгарный жаргон, давая клички всем тем, кто был у власти, и тем, кто стоял на их пути к достижению власти. Так, в женовской переписке А. М. Безобразова с А. М. Абазой царь также фигурирует под кличкой — «Хозяин». В письмах к своей жене Абаза обозначает под именем «Ноздря» Витте, «Птицей» именуется военный министр А. Н. Куропаткин, а «Головастик» — это министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, все министры — под общим понятием «враги». Не стесняясь в выражениях и отгораживая себя от других, «безобразовцы», не мудрствуя лукаво, обозначили союз, который мешал им заниматься делами Дальнего Востока как «паршивый триумvirат»: «Ноздрев — Тетерка — Головастик», соответственно по персоналиям в него входили — «Витте — Куропаткин — Ламздорф». Причем на них было заговорщически поставлено клеймо «патентованных подлецов»⁵.

Жаргонными словечками увлекались не только «безобразовцы», но и Витте. В зависимости от настроения он пускал вульгаризмы либо зlostные, либо с добродушием. Так, в известном письме к Э. М. Дилону от 22 августа 1906 г. он дает яркие характеристики тем, с кем общался по работе. Например, в Столыпине признает его честность и мужество, ему отдает все симпатии, однако тут же меняет тональность, говоря, что во всяком случае для него «он лучше этой сволочи Дурново, Горемыкина, Стишинского». Продолжая разговор о Столыпине, он сожалеет о том, что Столыпин служил «в горемыкинском ведомстве и был солидарен с этой гадостью». Или его восхлщание: «какой хлыщ Извольский. Я бы его поставил на место — в лакейскую»⁶. Как видно, его выражения не злобные, а его характеристики современников даны с некоторым добродушием.

В июле 1904 г. С. Ю. Витте был отправлен в Германию для заключения второго торгового договора. России нужна была европейская стабильность, а С. Ю. Витте был сторонником тройственного союза Россия — Германия — Франция, и даже не будучи министром для Европы оставался крупным российским сановником. В Берлине он подписал договор с канцлером фон Буловым, без выгоды для России, в пользу Германии (уступка была дипломатическим шагом, для войны нужен был денежный рынок, т. е. займы). В день подписания договора 15 июля в Берлин утром из Петербурга пришла телеграмма, в посольстве Витте сообщили о гибели министра внутренних дел В. К. фон Плеве [5, с. 221]. Одним противником в его карьере стало меньше. В этот же день Витте выехал в Петербург. Государь весьма холодно поблагодарил Витте за договор. Государь император не проявил интереса лично к Витте и ни о чем больше не разговаривал с ним. Началась первая опала Витте [там же, с. 313–319]. Парадокс в том, что через некоторое время, после убийства В. К. Плеве, в его кабинете нашли огромное количество перлюстрированных, явно подложных писем и доносов от агентов, в большинстве которых звучало имя Витте. Более того, как говорили, Плеве подготовил досье на Витте и собирался передать царю, но помешала трагическая смерть. Даже после отставки Витте, его авторитет не давал покоя Плеве [там же, с. 221–222]. Боясь, что Витте собирается занять его место, путем тех же подложных писем он пытался бороться с ним, вводя царя в заблуждение насчет не лояльного отношения Витте к царю.

⁵ Безобразовский кружок летом 1904 г. // Красный архив. Т. 4 (17). М.–Л., 1926. С. 70–80.

⁶ Львов (Клячко Л. М.). За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Л., 1926. С. 118.

Конечно же, когда в разгар войны с японцами социалисты-революционеры, давно «охотившиеся» за министром внутренних дел Плеве убили его, то эта смерть глубоко потрясла государя. Пожалуй, один царь, да еще «безобразовцы», были опечалены смертью Плеве. Царь писал: «Строго посещает нас Господь, гневом Своим»¹. Смерть Плеве всколыхнула общество: интеллигенция проявила всеобщую радость, оппозиционные круги молчали, а либералы заодно были с «динамитчиками». В правых кругах первым отрекся от погибшего Плеве кн. Мещерский, он решительно выступил против политики Плеве, предвидя, что уже через год о Плеве как о государственном деятеле лишь немногие будут вспоминать².

Безусловно, смерть Плеве, в первую очередь, поколебала положение «безобразовцев» возле престола, им не на кого стало опираться. Плеве, примкнув к ним, придавал «безобразовской» группировке деловой вид. А. М. Абаза в письме своей жене Н. Ф. Абаза от 17 июля 1904 г. пишет, что смерть Плеве удручает его: «Я теперь один. Он был „союзник“». И далее он сокрушается, что во враждебном лагере, очевидно, ликует. Его беспокоит тот факт, что он думает о новой кандидатуре взамен Плеве, но не может никого найти³.

Безобразов вернулся из заграницы в сентябре 1904 г., им двигало чувство долга, он вдохновлялся письмами А. М. Абазы и был уверен, что русская армия двинется к победе над Японией. Безобразов вновь вступил в тесное общение с государем. Витте, будучи на отдыхе в Сочи, получал от противников этого союза телеграммы (вероятно, по поручению в.к. Михаила Александровича). Они просили Витте, чтобы он сообщил министру внутренних дел (преемником Плеве после его убийства стал П. Д. Святополк-Мирский) о характере и свойствах личности Безобразова и выражали обеспокоенность отсутствием Витте в Петербурге⁴.

Ставка министра внутренних дел после гибели В. К. Плеве оказалась вакантной в течение полутора месяцев. Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву предстояло решить вопрос, поступивший со стороны государя, — «не подходит ли на этот высокий пост Витте» (все-таки думал о Витте!). Но «Мефистофель» (так звали Константина Петровича за глаза) отверг имя Витте, объяснив своему коронованному ученику весьма насмешливо, что «Витте подкуплен революцией». И тут же по-мефистофельски добавил, что Витте «мечтает сделаться первым президентом российской республики!», но по натуре он «спорщик и крикун». Однако, отбрасывая свою иронию, Победоносцев выразил его величеству реальную оценку личности бывшего министра финансов Витте, подчеркнув, что все же видит в нем достойного ученика школы его августейшего отца — Александра III⁵.

30 июля 1904 г. в Доме Романовых родился наследник российского престола. Для Российской Империи рождение цесаревича было выдающимся событием, но оно стало началом конца династии Романовых.

Между тем стремление вновь вернуться во власть у Витте проявилось весьма в своеобразной форме, его действия были направлены в сторону дискредитации государственного и административного управления. По мнению В. И. Гурко, Витте намеренно пытался использовать Комитет министров в целях передачи ему функции руководства государственной политикой и показать либеральной общественности, что без него ни одна реформа не может осуществиться. Вместе с тем все замечали, что Витте решил заклеить существующий порядок. Так или иначе он как бы пытался глубоко вогнать либеральные реформы, чтобы их невозможно бы-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч.: Т. 1. С. 242.

² Там же.

³ Безобразовский кружок летом 1904 г. С. 79–80.

⁴ Вступ. статья Б. Романова // Безобразовский кружок летом 1904 г. С. 70.

⁵ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. СПб., 2015. С. 172–173.

ло бы назад отъять у населения. Витте создавал такое впечатление, что только он один искренне желал изменений в системе управления. Но в силу того, что находился не во власти, был бессилён сломить старые порядки [6, с. 378–380]. Витте всем своим видом показывал, что без него нет государственной политики, но если он возвратится в большую политику, то все реформы окажутся эффективно реализуемыми. И действительно, формально высокий пост председателя Комитета министров не имел права личного доклада государю, эту функцию выполняли только министры. Витте не мог согласиться с тем, что не участвует в большой политике, но более всего не хотел мириться и внутренне сопротивлялся тому, что его вообще могут забыть.

В скором времени Комитет министров превращается в живую трибуну служащих, где не только сам председатель активно выступает с содержательными речами, но и выслушивает мнение каждого о целесообразности проведения тех или иных планов и предложений [7, с. 21]. Ничего подобного до Витте в Комитете министров не происходило. На Комитет стали обращать внимание, в том числе и царь.

12 декабря 1904 г. был издан высочайший указ Сенату, который на Комитет министров возложил разработку проектов реформ государственного строя. Растерявшийся Николай II отступил под напором общественного движения, оно стало его пугать. Царь в поиске защиты обратил свое внимание к Витте. На Комитет Витте неожиданно взвалили огромный объем работы — разработать и реализовать важные программы государственного преобразования. В Указе от 12 декабря 1904 г. были расставлены приоритетные направления по степени сложности и значимости их выполнения. Огромный перечень вопросов показывает, что в России назрела ситуация, когда высшие круги реально оценили сложившийся административно-государственный ресурс и поспешно выдвинули те реформы, которые необходимы были для дальнейшего развития общества. Реформы должны были исключить революционные настроения и подготовить общество к установлению в России либеральных отношений. К ним отнесли: объединение закона о крестьянах с общим законодательством, укрепление полной силы закона, расширение самостоятельности земских и городских учреждений, перестройка этих учреждений на более демократических началах, обеспечение самостоятельности суда, государственное страхование рабочих, устранение излишних стеснений печати и смягчение исключительных законов о раскольниках и инородцах. Председатель Комитета министров Витте, как и прежде, когда был министром финансов, оказывается вновь в центре внимания общественности, встречается с журналистами. В частности, примерно 14 декабря он любезно впервые принял «короля репортеров» Л. М. Клячко, которому с воодушевлением говорил о том, что придает работе Комитета министров большое значение, а также сообщил о необходимости привлечения к его работе общественных деятелей, тем самым способствуя развитию отношений между общественностью и бюрократией. Это было интересно и звучало заворочено по-новому. С другой стороны, Витте всегда придавал большое значение прессе в распространении информации о работе правительства и не упускал ее из виду, когда возглавлял Комитет министров. Золотое правило, выдвинутое Витте перед Клячко, гласило, что сведения, полученные от него, должны в обязательном порядке подтверждаться из другого источника, а также в печати не должно звучать его имя¹. Таким образом, Витте хотел достичь правды и не слыть популистом.

На Манифест 12 декабря 1904 г. среагировал тотчас А. Н. Куропаткин. В письме от 18 декабря он с радостью отзывается о доверии царя к Витте и предоставлении ему возможности участвовать в делах России. Манифест совпадал с теми чаяни-

¹ Львов (Клячко Л. М.) За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Л., 1926. С. 117–119.

ями и надеждами, которые были у Витте и Куропаткина на слуху и проговаривались при встречах. Он выразил уверенность, что Витте успешно поведет Россию к законности и уменьшению административного произвола, что на расстоянии будет с ним и за него. Под впечатлением Манифеста Куропаткин признается Витте в сакральных чувствах к нему: «Мы с вами часто спорили, чуть не ссорились, но я всегда чувствовал вашу симпатию и ласку к себе. С своей стороны, уже давно чтил в вас настолько крупную, историческую личность, что нападки на вас всегда казались мелкими и для России вредными». Его размышления о личных симпатиях друг к другу Куропаткин переходит к объяснению отношений царя к Витте: «Помните; я никогда не верил возможности, что царь и Россия не используют огромных запасов таланта, знаний, железной энергии, которыми вы обладаете»¹. То есть на тот момент Манифест 12 декабря 1904 г. стал, как казалось Куропаткину, новой точкой опоры царя на Витте, он один из первых оценил значение данного указа. Но так рассуждал человек, находившийся вдали от Петербурга.

В декабре 1904 г. Витте принимал участие в обсуждении вопроса о конституционных реформах. Ему удалось из указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» вычеркнуть пункт об участии выборных в Государственном совете, эта уступка не осталась не замеченной правительством. В тайне Витте предполагал, что он сможет вернуться в большую политику, поэтому ожидал, уверовав в то, что царь еще о нем вспомнит. Однако у Николая II не было желания возвращать Витте в реальную политику. В свою очередь, отторгнутый от власти личного доклада государю, Витте продолжал развивать кипучую деятельность на посту председателя Комитета министров и Манифест 12 декабря 1904 г. явился новой надеждой в его сближении с царем. Витте цепляется за власть, как последний воин (чиновник) Александра III, выполнявший его волю в создании национального государства. Казалось, все соответствовало этой великой задаче. С первых министерских шагов его путь начинался от церковной часовни Министерства финансов, где службу проводил популярный о. Иоанн Кронштадтский [13, с. 365] и дошел до обновленного самодержавия — национального империализма, с ускоренным продвижением русской культуры и веры в Азию. Император, как ни старался не замечать его, однако не раз будет вынужден обращаться за помощью к своему бывшему министру. Другого такого, как Витте, в России не было. Впереди маячил 1905 г.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Алешин В. С. Благородство и подлость: Романтизированная биография Николая II в четырех частях. СПб., 2011.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
3. Андреев Д. А. Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. № 2 (1). С. 208–215.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 2012.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 2012.
6. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н. П. Соколова и др. М., 2000.
7. Мартов С. Сергей Витте. Первый премьер-министр. М., 2014.
8. На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. Т. II. С. Ю. Витте и его современники. СПб., 2014.
9. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. В 2 т. Т. 2. 1904–1918. СПб., 2015.

¹ Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. / Красный архив. Т. 6 (19), М.–Л., 1926. С. 72.

10. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. В 2 т. Т. 1. 1896–1903. СПб., 2015.
11. Плеханов С. Император Николай II. Жизнь, Любовь, Бессмертие. М., 2014.
12. Суворин А. С. Дневник. М., 2015.
13. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

References

1. Aleshin V.S. *Nobility and meanness: The romanticized biography of Nicholas II in four parts* [Blagorodstvo i podlost': Romantizirovannaya biografiya Nikolaya II v chetyrekh chastyakh]. SPb., 2011. (rus)
2. Ananyich B.V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yulyevich Witte and his time* [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb., 2000. (rus)
3. Andreev D.A. *Government «change» on August 15, 1903 in a rumorologiya mirror* [Pravitel'stvennaya «peremena» 15 avgusta 1903 goda v zerkale rumorologii] // Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo], 2011. N 2 (1). (rus)
4. Witte S.Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 1. M., 2012. (rus)
5. Witte S.Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 2. M., 2012. (rus)
6. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image of the contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika] / introduction of N. P. Sokolov, etc. M., 2000. (rus)
7. Martov S. *Sergey Witte. First prime minister* [Sergei Vitte. Pervyi prem'er-ministr]. M., 2014. (rus)
8. On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood. Researches and publications [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii]. V. II. S.Yu. Witte and his contemporaries [S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb., 2014. (rus)
9. Nikolsky B.V. *Diary* [Dnevnik]. 1896–1918. In 2 volumes. V. 2. 1904–1918. SPb., 2015. (rus)
10. Nikolsky B.V. *Diary* [Dnevnik]. 1896–1918. In 2 volumes. V. 1. 1896–1903. SPb., 2015. (rus)
11. Plekhanov S. *Emperor Nicholas II. Life, Love, Immortality* [Imperator Nikolai II. Zhizn', Lyubov', Bessmertie]. M., 2014. (rus)
12. Suvorin A. S. *Diary* [Dnevnik]. M., 2015. (rus)
13. Uortman R. S. *Scenarios of the power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy* [Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii]. In 2 t. T. 2: From Alexander II to Nicholas II's renunciation [Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II]. M., 2004. (rus)